

РАДИКАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГАЛИЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1890-х гг.

© Алексей Геннадьевич ТОПИЛЬСКИЙ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, ассистент кафедры всеобщей
и российской истории, e-mail: a-topil@yandex.ru

Изучена роль Русско-украинской радикальной партии в формировании украинского самосознания на территории австрийской Галиции в начале 90-х гг. XIX в. Рассмотрена отечественная и зарубежная историография по данному вопросу. Охарактеризовано состояние общественно-политической мысли того времени применительно к проблеме национальной самоидентификации восточнославянского населения Галиции. Исследуются взаимоотношения возникшего радикального движения с крупнейшими русинскими течениями – украинофильством (народовством) и русофильством (москвофильством). На основании проанализированных источников сделан вывод о стремлении идеологов радикального движения к отказу от противостояния с украинофильским и русофильским движениями и переходе к совместному отстаиванию социально-экономических и политических интересов русинского населения. В то же время подчеркивается, что целью общей работы народовцев и москвофилов, по мнению лидеров радикального движения, являлось создание отдельной от русских и поляков культурной общности, что в перспективе должно было привести к формированию украинской нации. Охарактеризованы условия, на которых считалось возможным ведение совместной деятельности всеми русинскими движениями, в т. ч. признание всеми сторонами свободы вероисповедания, т. к. украинофильство признавало необходимость вытеснения православия, а русофильство – греко-католичества.

Ключевые слова: РУРП; радикалы; русофильство; Галиция; украинофильство.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-5/6(157/158)-156-160

Первые исследования, посвященные русинскому радикальному движению, появились в конце XIX – начале XX в. В тот период украинские и польские историки, общественно-политические деятели пытались оценить деятельность Русско-украинской радикальной партии (РУРП), других украинских и польских партий. Среди них заслуживают внимания работы Н. Павлика [1], где проанализированы украинско-польские взаимоотношения, и И. Франко [2; 3], изучавшего рабочее движение. К. Левицкий рассматривал зарождения украинского национального движения в Галиции [4].

Среди многочисленных работ, посвященных деятельности отдельных лидеров РУРП (преимущественно И. Франко), следует выделить работу М. Кравца [5], в которой радикальное движение противопоставлялось русофильскому и украинофильскому. В настоящее время на Украине выходит немало работ, посвященных политической истории Галиции конца XIX – начала XX в., среди которых следует выделить В. Головченко [6], В. Гошовскую [7], С. Макаручука [8], Я. Грицака [9].

Значительный вклад в исследование проблемы сделали североамериканские историки. Дж.-П. Химка [10; 11] охарактеризовал процесс зарождения украинского социал-демократического движения. П. Магочий [12] исследовал не только Подкарпатскую Русь (Закарпатье), но и изучил ряд вопросов, касавшихся деятельности крупнейших политических партий Галиции.

Основанная в 1890 г. РУРП с самого начала дистанцировалась от украинофильских и русофильских течений, указывая на оторванность их от нужд народных масс. Так, в цикле статей одного из основателей РУРП Е. Левицкого «Беспрограммность «народовцев» и их будущее» («Безпрограмовість «народовців» и їх будучність») отмечается, что украинофилы стоят главным образом на узко-национальных позициях отстаивания интересов русинского языка, не имея четко определенной социально-экономической программы [13, с. 233].

Русофильство в представлении радикальной прессы возникло не в результате тяги к великорусскому народу и литературы (которой якобы не было), а по причине того, что видели преобладание польского нацио-

нального движения и провозгласили лозунг «лучше утопиться в русском море, чем в польском болоте». Кроме того, москвофилы достаточно плохо ориентировались в российской действительности: русофильская литература была преимущественно в карамзинском стиле, связь с российскими общественно-политическими деятелями ограничивалась контактами со славянофилами, стремившимися включить Галицию как минимум в орбиту влияния Российской империи, а как максимум – непосредственно в состав России [13, с. 249].

Отдельно следует исследовать вопрос о возможности взаимодействия радикального течения с русофилами. Преобладала точка зрения о неприемлемости такого сотрудничества, поскольку русофилы представлялись абсолютистами, восхвалявшими российский царизм и его репрессивную политику по отношению к польскому национальному движению, из-за чего ухудшались польско-русинские взаимоотношения. Кроме того, утверждалось, что между москвофилами есть люди, которые не только стоят за полицейскую реакцию в России, но и прямо стали ее платными агентами, занимавшиеся клеветой и доношением и в России, и в Австрии [9, с. 4]. Несмотря на то, что в действительности агентуры российской полиции среди русофилов по изученным нами архивным данным выявлено не было, следует отметить, что подобные обвинения обосновывались действительным получением денежных средств от российского правительства и славянофилов.

Необходимо отметить, что в целом преобладала точка зрения о незначительности российского влияния в возникновении русофильства. Так, М. Драгоманов утверждал: «Смешно выводить москвофильство в Галичине только от «московских рублей» или от «погодинской колонии». Бесспорно, галицкое москвофильство имеет свое органичное происхождение: это реакция на полонизацию (та самая, которая привела Хмельницкого до подданства Москвы), аристократизм, который не верит в силы галицкого мужицтва, а оборачивается до родственной державы, в которой есть русский порядок, иерархия и дворянство. Кроме того, притягивает к России и национальная родственность, т. к. большинство украинских лингвистов и этно-

графов признавали близость великороссов и украинцев, что открывало простор как для теории, сформировавшейся в обособленности украинцев от великороссов, так и для панрусской (общерусской) концепции. Доказательством может служить и та легкость, с какой Головацкий и Климкович перешли от малорусского направления к общерусскому, а Огоновский – от старорусинства к украинофильству» [14, с. 348].

В то же время как таковое русофильское общественно-политическое движение ввиду отсутствия сплоченности и сосредоточенности на литературных вопросах не представляло угрозы для территориальной целостности Габсбургской монархии. Куда большую опасность являло собой народное или, как говорилось, «аграрное» русофильство, а именно широко распространенные в крестьянской среде представления о том, что российский царь изменит земельные порядки [14, с. 5]. Зачастую селяне говорили, что царь разделит землю и установит порядок с панями и евреями [14, с. 18]. По этой причине Драгоманов отмечал, что, несмотря на пассивность старшего поколения москвофилов, возможно соединение «аграрного», т. е. народного русофильства, с общественно-политическим русофильством. Это будет представлять серьезную угрозу целостности Австро-Венгрии, т. к. у русин резко возрастут сепаратистские настроения [14, с. 6].

В противовес объединению Галиции с Российской империей в украинофильской среде нарастало стремление присоединить российскую Украину к Австро-Венгрии. Так, учитель Юлиан Романчук и греко-католический священник Микола Сичинский в выступлениях в Галицком сейме утверждали, что Австрия должна иметь на своей стороне галицких русин для будущей войны с Россией, в которой украинцы станут на сторону Австрии под знамя западного католицизма против православия (т. е. царславия), противного их национальному духу [14, с. 17]. Необходимо отметить, что данные утверждения, имея под собой религиозную, униатскую подоплеку, предполагали распространение греко-католичества на украинские территории в составе Российской империи. В то время подобные мессианские настроения не пользовались популярностью и, как правило, подвергались обструкции со стороны боль-

шинства общественно-политических русинских деятелей [14, с. 20].

Радикалы доказывали, что москвофилы по своим общественным и культурным взглядам стоят ближе к народам, чем к радикалам, поскольку ограничивались интересами национального устройства русин, и практически не обращали внимание на социальные вопросы. Сотрудничество признавалось возможным лишь русофилами преимущественно из провинции, защищавшими конституционные свободы и отстаивавшими интересы русинского населения [14, с. 36]. Кроме того, москвофильство как течение, опиравшееся на искусственную письменность (язычие), по мнению радикалов, не имело будущего, т. к. народные массы не принимали литературу на язычи, и русофильство должно было либо перейти на русский язык, либо писать по-украински [14, с. 37]. Радикалы отмечали, что нельзя питать иллюзии о возможности какой бы то ни было совместной работы с «молодыми» москвофилами, пока русофилы не скажут, что и как думают делать для народа в социально-экономической сфере (для чего, по их мнению, невозможно обойтись без народного языка) [15, с. 123]. Хотя молодые русофилы не вдохновлялись, в отличие от представителей старшего поколения москвофилов, российским абсолютизмом, полагая его неизбежным злом, однако они стремились к политическому единству русской нации, чтобы установить русский язык в образовании и администрации вместо украинского [9, с. 79]. С противоположной точки зрения, по мнению русофила Ю. Яворского, об отношениях с радикалами, «никакой особенной «дружбы»... между нами быть не может, пока мы – русские, а вы – сепаратисты, как не может быть между двумя противоположными крайностями. Тем не менее, не только не исключен, но даже необходим какой-нибудь *modus vivendi* между нами, т. к. есть у нас одна общая точка... – область экономическо-социальная» [15, с. 122].

Главное отличие в национальном развитии радикального движения от украинофилов, как утверждали радикалы, заключалось в том, что радикалы декларировали стремление к внедрению общечеловеческих ценностей в русинско-украинском обществе, не к обособлению от других народов, а к куль-

турной интеграции [14, с. 38]. Вряд ли следует серьезно воспринимать данные характеристики народников в качестве действительных, т. к. утверждение об отказе украинофилов от иностранной культуры выглядит с учетом пропаганды польской и немецкой литературы несколько странным. В то же время М. Драгоманов писал о необходимости энергичной работы галицких радикалов над созданием своей литературы на основе народного языка и в современном европейском стиле, чтобы народ испытывал меньше потребности как в российской, так и в целом зарубежной литературе [14, с. 38]. Кроме того, критиковалось и насаждение греко-католицизма в противовес православию. В частности, осуждались народовцы за их стремление обратить буковинцев в униатство, что не только не способствовало, но препятствовало собиранию Украины [15, с. 143]. В украинофильской среде преобладало мнение о невозможности сотрудничества с теми, кто не признавал этнографических отличий русин от русских и поляков, и с теми, кто отпадал от русско-католической церкви [15, с. 171]. Радикалы хотя и идентифицировали себя в неменьшей степени с украинцами, нежели народники, считали нецелесообразным отказ от возможности компромисса с москвофилами, поскольку следование такому курсу могло привести бы в конечном итоге к формированию малорусской народности [15, с. 144].

Однако, несмотря на декларировавшуюся невозможность сотрудничества, в отдельных случаях и украинофилам, и русофилам удавалось проводить совместные акции, направленные на защиту интересов русин, как они ее понимали. В частности, в исследуемый период и народовская (Діло), и москвофильская (Галицкая Русь) пресса проявляла единодушие в критике социально-экономического положения селян, вызывавшего массовую эмиграцию населения. Единственным органом, не отстаивавшем необходимость социально-экономических реформ, была львовская греко-католическая консистория во главе с митрополитом, призывавшем ограничиться улучшением быта крестьян их же силами – больше работать и экономить [15, с. 232].

Следует отметить, что радикалы являлись сторонниками трансформации Австро-Венгрии в федеративное государство с деле-

нием на национально-территориальные районы [14, с. 157].

Судебные преследования 1880-х гг. коснулись не только русофилов, но и русин, сколько-нибудь связанных с оппозиционной деятельностью: «то за социализм и безверие, то за гайдамакство, то за православие и москвофильство, то за все разом» [14, с. 187]. В результате данных репрессий представители всех течений выработали единую линию, направленную на формирование в представительных органах Габсбургской монархии общерусинской фракции (сложившейся к 1889 г.), отстаивавшей невмешательство внешних сил в развитие восточнославянского населения Галиции. Однако данное объединение, как в силу воздействия ее противников, так и по причине сильных центробежных тенденций из-за отсутствия единства по целому ряду вопросов вскоре распалось, и насупила т. н. «новая эра», связанная с сотрудничеством отдельных фракций с австрийскими властями [14, с. 188].

Таким образом, оформившееся в начале 1890-х гг. радикальное течение не смогло обеспечить единство русинского движения в отстаивании интересов населения. Прежде всего, это связано было со слабостью РУРП, а также различным пониманием нужд галицких русин представителями украинофильства и русофильства.

Список литературы

1. Павлик М. Твори. Київ, 1985.
2. Франко І. Українські “народовці” і радикали // ПСС: в 50 т. Київ, 1980. Т. 28. С. 198-206.
3. Франко І. Из історії робітницького руху в Австрії // В наймах у сусідів. Львів, 1914. Т. 1. С. 30-37.
4. Левицький К. Історія політичної думки галицьких українців 1846–1914. Львів, 1926. (In Ukrainian).
5. Кравець М. До питання про Русько-українську радикальну партію у Східній Галичині в 90-х роках ХІХ ст. // З історії західноукраїнських земель. Київ, 1957. Вип. II. С. 124-140.
6. Головченко В. Витоки і становлення української соціал-демократії (1896–1907 рр.): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Харків, 1993.
7. Гошовська В. Становлення української соціал-демократичної думки кінця ХІХ – початку ХХ століття (Проблема світогляду, національних особливостей, теоретичного осмислення на сторінках преси). Харків, 1997. (In Ukrainian).
8. Макарчук С. Відносини між Русько-українською радикальною партією і Соціал-демократичною партією Галичини і Сілезії у 90-х роках ХІХ століття // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Львів, 2001. Вип. 9: Ювілейний збірник на пошану Ф. Стебля. С. 437-447.
9. Грицак Я. «Молоді» радикали в суспільно-політичному житті Галичини // Записки НТШ. Праці історико-філософської секції. Львів, 1991. Т. 222. С. 71-110.
10. Химка Д.-П. Зародження польської соціал-демократії та українського радикалізму в Галичині (1860–1890). Київ, 2002.
11. Himka J.-P. Galician Villagers and the Ukrainian National Movement in the Nineteenth Century. London; Basingstoke, 1988.
12. Magocsi P.R. The Roots of Ukrainian Nationalism. Galicia as Ukraine's Piedmont. Toronto; London; Buffalo, 2002.
13. Народ. 1890.
14. Народ. 1891.
15. Народ. 1892.

References

1. Павлик М. Твори. Київ, 1985. (In Ukrainian)
2. Франко І. Українські “народовці” і радикали. *Polnoe sobranie sochineniy: v 50 t.* Київ, 1980, vol. 28, pp. 198-206. (In Ukrainian).
3. Франко І. Из історії робітницького руху в Австрії. *В наймах у сусідів.* Львів, 1914, vol. 1, pp. 30-37. (In Ukrainian).
4. Левицький К. *Історія політичної думки галицьких українців 1846–1914.* Львів, 1926. (In Ukrainian).
5. Кравець М. До питання про Русько-українську радикальну партію у Східній Галичині в 90-х роках ХІХ ст. *З історії західноукраїнських земель.* Київ, 1957, no. II, pp. 124-140. (In Ukrainian).
6. Головченко В. *Витоки і становлення української соціал-демократії (1896–1907 рр.).* Avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk. Харків, 1993. (In Ukrainian).
7. Гошовська В. *Становлення української соціал-демократичної думки кінця ХІХ – початку ХХ століття (Проблема світогляду, національних особливостей, теоретичного осмислення на сторінках преси).* Харків, 1997. (In Ukrainian).
8. Макарчук С. Відносини між Русько-українською радикальною партією і Соціал-демократичною партією Галичини і Сілезії у 90-х роках ХІХ століття. *Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність.* Львів, 2001. Вип. 9: Ювілейний

- збірник на пошану Ф. Стебля. Р. 437-447. (In Ukrainian).
9. Грицак Я. “Молоді” радикали в суспільно-політичному житті Галичини. *Записки НТШ. Праці історико-філософської секції*. Львів, 1991, vol. 222, pp. 71-110. (In Ukrainian).
 10. Химка Д.-П. *Зародження польської соціал-демократії та українського радикалізму в Галичині (1860–1890)*. Київ, 2002. (In Ukrainian).
 11. Himka J.-P. *Galician Villagers and the Ukrainian National Movement in the Nineteenth Century*. London; Basingstoke, 1988.
 12. Magocsi P.R. *The Roots of Ukrainian Nationalism. Galicia as Ukraine's Piedmont*. Toronto; London; Buffalo, 2002.
 13. Narod. 1890. (In Russian).
 14. Narod. 1891. (In Russian).
 15. Narod. 1892. (In Russian).

Поступила в редакцію 11.01.2016 г.
Received 11 January 2016

UDC 93/94

RADICAL MOVEMENT IN GALICIA IN THE FIRST HALF OF 1890-s

Aleksey Gennadevich TOPILSKIY, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Assistant of General and Russian History Department, e-mail: a-topil@yandex.ru

The role of Russian-Ukrainian radical party in the formation of Ukrainian consciousness on soil of Austrian Galicia at the beginning of 90-s of XIX century is studied. The native and foreign historiography considering this problem is viewed. The state of social-political thoughts of that time considering the national self-identification problem of Eastern-Slavic population of Galicia is described. The relations of radical movement with Carpatho-Russian processes – Ukrainophilia and Russophilism (Western Ukrainian Russophiles) are studied. Basing on the analyzed sources the conclusion is made that ideologists of radical movement were intended to reject to oppose Ukrainophilia and Russophilism movements and pass to one defense of social-economic and political interests of Carpatho-Russian population. At the same time it is marked, that the aim of total work of Ukrainophilia and Russophilism following the opinion of radical movement leaders is the creation of separate cultural community of Russian and Polish. That will lead to formation of Ukrainian nation. The conditions under which it was possible to have unified activity of all Carpatho-Russian movements, including recognition of religion freedom, as Ukrainophilia accepted the necessity of disposition of confession and Russophilism is Greek-Catholic.

Key words: Ukrainian Radical Party; radicals; Russophilia; Galicia; Ukrainophilia.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-5/6(157/158)-156-160